DOI: 10.17976/jpps/2019.05.04

СПИРАЛЬ УСЛОЖНЕНИЯ НАСИЛИЯ: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

С.А. Кравченко

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии МГИМО МИД России; главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, email: sociol7@yandex.ru

Кравченко С.А. Спираль усложнения насилия: востребованность гуманистической политики. – Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 43-55. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.04

Статья поступила в редакцию: 19.02.2019. Принята к публикации: 24.06.2019

Аннотация. Рассматривается эффект усложнения насилия, выражающийся в переходе от традиционных, относительно "простых" его форм ко все более сложным. Автор показывает несостоятельность исторически сложившихся двух доминирующих подходов к "преодолению" насилия посредством: 1) ответного насилия в отношении первичного насилия и 2) "лечения" насилия с помощью формальной рационализации жизнедеятельности людей, что фактически ведет не к его отрицанию, а к наложению одних форм насилия на другие, к заменам явно жестких проявлений на "мягкие". В результате образуются все более сложные формы насилия – данный эффект автор определяет как спираль усложнения насилия. Раскрываются факторы, обусловившие его динамику, среди которых: ускоряющаяся смена материальных, экономических и социальных условий жизни людей под влиянием промышленных революций; возникновение глобо-локо-анклавных взаимозависимостей, сопровождающихся ростом сложных насилий между цивилизациями, государствами, негосударственными образованиями; антропогенное насилие на планету. Становление сложных форм насилия имеет амбивалентные последствия на характер взаимодействия социальных акторов: с одной стороны, возникли невиданные ранее вызовы в виде приватизированного насилия, войн "гибридного неправового-легитимного типа", нелегитимных санкций, "текучего зла", но с другой стороны, – создаются мосты, способствующие интеграции людей и культур. По мнению автора, последствия спирали усложнения насилия диктуют необходимость перехода к новым трендам развития человеческих отношений, осуществления поисков ответов на возникшие вызовы в контексте осуществления гуманистической политики. Особое значение имеет принятие гуманистического поворота в развитии современного знания. В практическом плане данный поворот необходим для выработки адекватных стратегий в отношении метаморфоз насилия.

Ключевые слова: насилие, стрела времени, многофакторная причинность, сложный социум, спираль усложнения насилия, социо-техно-природная реальность, метаморфозы насилия, гуманистический поворот.

В самом общем виде под традиционным, относительно "простым" насилием понимается принудительное воздействие на субъектов социальных отношений со стороны носителей государственной, гражданской, религиозной, семейной или иной власти в целях исполнения законов и традиций, обеспечения порядка и поддержания социальной солидарности. Традиционные структуры насилия, призванные обуздывать человеческие страсти, девиации и протесты, функционировали на основе жесткого разделения труда между правителями и управляемыми: это, как отмечал Э. Дюркгейм, – закон, управляющий об-

ществами “почти без их ведома” [Дюркгейм 1996: 46]. Подобное положение дел закреплялось карательными мерами, поддерживалось общей моралью, ценностями и нормами культуры. Представления о таком насилии были достаточно *стабильны* и весьма четко *определены*. Они усваивались и закреплялись в коллективном сознании в ходе социализации, принудительно воздействуя на поведение человека, что позволяло сравнительно легко идентифицировать справедливый, легитимный или неразумный, нелегитимный характер насилия. Вместе с тем насилие, будучи обусловленным историко-временным и культурным контекстом, перманентно изменяется: медленнее в эволюционные, спокойные периоды течения общественной жизни, быстрее – во времена войн, социальных и промышленных революций. В целом насилие подвержено эффекту “*стрелы времени*”, обоснованному лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, согласно которому имеет место саморазвитие *всей* материи, неорганической и органической, а также социума, что проявляется в *ускоряющейся* и главное – *усложняющейся* динамике [Пригожин, Стенгерс 2000]. Ныне наступил конец *“определенного”* традиционного насилия, оно становится *сложным,* с многофакторной причинностью, явными и латентными проявлениями.

Под влиянием таких радикальных трансформаций как глобализация, несущая качественное углубление международного и странового разделения труда, модернизация, предполагающая широкое внедрение культурных, научных и технологических инноваций, становление сетевых взаимодействий людей, резко увеличивается количество как структур насилия, так и их функций. Исторически в контексте общественного восприятия *зла насилия* сложились два доминирующих подхода к его “преодолению”: 1) *ответное социальное насилие* эксплуатируемых, зависимых в отношении первичного насилия властвующих; 2) *“лечение” насилия* с помощью формальной рационализации жизнедеятельности людей.

По К. Марксу социальные революции (их финальное воплощение в революции пролетарской) призваны исторически *“разрешить”* конфликт насилия путем уничтожения одной из его сторон: т.е. одного из классов, порождающего насилие (в историческом плане – частных собственников, а в современном ему обществе – буржуазии), путем лишения его специфических экономических и политических атрибутов власти, утверждения общественного самоуправления [Маркс 2000]. Однако весь человеческий опыт свидетельствует о том, что в результате насилие не только не уничтожается, а раскручивается *спираль усложнения насилия*. Под ней мы понимаем процесс наложения “нового, правильного” насилия на “старое, несправедливое” насилие, которое в результате становится все более сложным: его пространственно-временные границы раздвигаются, порождаются новые несправедливости и вызовы для свободы и жизнедеятельности людей. При этом относительно простые, внешние причины насилия, сохраняя свою значимость в локальных социальных пространствах, вытесняются *многофакторной причинностью*, поддерживающей перманентное воспроизводство сложных форм насилия.

Попытки “лечения” насилия с помощью формальной рационализации лишь вносили “вклад” в спираль усложнения насилия. Одна из новых форм насилия возникла как результат развития формально-прагматического научного знания и технологий, ориентированных исключительно на извлечение прибыли, что воспроизводит корыстные, деструктивные отношения не только между людьми, но между человеком и природной средой. “Завоевание” природы обернулось новыми формами насилия и болезнями цивилизации.

Каждая из четырех промышленных революций амбивалентно влияла на характер "лечения" насилия: явно видимые жесткие кары, социально дифференцированные наказания, "общественный гнев" в отношении родственников правонарушителей вытеснялись "более мягким, разумным", подчас "невидимым", латентным насилием, но представлявшим более сложное социальное зло для человека.

Так, первая революция – переход от ручной техники к машинам – привела к трансформации традиционного, патриархального господства в насилие в форме *политического и экономического диктата буржуазии* и *отчуждения* – латентно проявляющегося отделения людей от их праксиса: произведенных ими товаров, контроля за производственным процессом, производственной активности, природы, институциональных структур, друг от друга [Маркс 2000: 232, 234].

Вторая революция (конвейерные технологии, формальная рационализация жизни) способствовала утверждению либеральной биополитики, основанной на *насилии надзора*, производимом специально создаваемой *дисциплинарной системой*. Возникает на порядок более сложное насилие, суть которого определил М. Фуко: "Либерализм порождается механизмом, который будет ежечасно судить о свободе и безопасности индивида, опираясь на понятие опасности... Возникает 'политическая культура опасности'" [Фуко 2010: 89-90] и зарождается биополитическое насилие, базирующееся на функциях паноптика. Если на этапе становления капитализма технологии принуждения развивались внутри конкретных институтов, то затем они распространялись на *все* общество: "Паноптизм в некотором смысле возник и функционирует в нашем обществе как общая форма... Живя внутри дисциплинарной системы, мы тем самым живем в рамках генерализованного паноптизма" [Фуко 2007: 99].

Третья промышленная революция принесла эпоху информационных технологий, которые еще более усложнили насилие, придав ему форму невидимого господства над мыслями и чувствами людей. По мнению Ж. Бодрийяра, в информационном обществе *коды сигнификации* смыслов осуществляют контроль над индивидами общества [Бодрийяр 2003], что, с одной стороны, предполагает структуру насилия над сознанием масс гораздо более мягкую и завуалированную, а с другой – тотальную.

Начиная с XXI в. активно разворачивается четвертая промышленная революция, базирующаяся на *цифровизации* социума, экономики, политики, человека, которая радикально усложняет насилие, делает его не только практически латентным, но и *желательным*. Многие добровольно отказываются от человеческого общения, не усматривая болезнь в обретаемой "экранной" зависимости, в цифровой социализации детей без родителей, бабушек и дедушек, без традиционных игрушек и совместных игр.

М. Абрахам, президент Международной социологической ассоциации, в выступлении на XIX Всемирном социологическом конгрессе подчеркнула *сложную природу* современного насилия, выделив следующие его наиболее значимые формы: насилие в отношении коренного населения и меньшинств; патриархальность, способствующая сохранению насилия в отношении женщин; насилие, обусловленное войнами, бедностью, расизмом, гендером; перекрестное насилие; насильственная миграция; лишение прав и собственности[1].

[1] Abraham M. 2018. *Welcome Address by the President of the International Sociological Association*. XIX World Congress of Sociology. Toronto, Canada, July 15-21. URL: https://www.isa-sociology.org/uploads/files/isa-wcs2018-program-book.pdf (accessed 01.07.2019).

Становлению этих и других проявлений насилия во многом способствовал фактор перехода к *неконтролируемой открытости*, приведшей к глоболо-ко-анклавным взаимозависимостям и резкому росту сложных насилий нелегитимного толка между цивилизациями, государствами, негосударственными образованиями, социальными сегрегациями. В.А. Ядов отмечал, что "в реальности имеет место *"гло-локал-анклавизация"* мирового сообщества" [Ядов 2002: 358]. Новые дисперсионные и центробежные реалии ведут к конфликтам и напряженностям между глобальными и локальными культурами, что особенно негативно сказывается на жизни людей в так называемых новых анклавах. З. Бауман отмечает три главных проявления нелегитимного насилия в отношении населяющих эти анклавы: они "неприкасаемы", "немыслимы" и даже "не имеют своего имиджа". Ситуация осложняется тем, что прежние защитные механизмы от проявлений нелегитимного насилия ("великие идеи", базовые ценности и нормы, право, политические структуры) по существу стали нефункциональны. Как считает социолог, они были вытеснены "фантомными врагами", "текучим страхом", "дерегуляцией войн", а сам потенциал дерегулятивного господства был взят на вооружение современными политиками для поддержания своей власти [Bauman 2009: 45; 13-15]. К этому мы бы добавили еще одно соображение – жители анклавов не связаны либидинозно ни с каким конкретным социумом и свою энергию могут легко направлять на деструктивные действия, чем пользуются политические организаторы современного террора. В итоге практически не контролируемая открытость становится одним из ключевых факторов производства сложных видов насилия нелегитимного толка.

Прежние и нынешние, более масштабные "победы" над природой вылились в *антропогенное давление* на планету: производство материальных благ осуществляется на принципах формальной рациональности, исключительно меркантильной ориентированности научных и технических инноваций, за счет разрушения почвы, загрязнения воды и биосферы. Реакция природы на эти действия проявляется в виде турбулентности климата, увеличения бифуркаций социума и природы, сопутствующих разрывов и травм культурных реалий.

Качественные изменения происходят в *цивилизационном насилии*. По П.А. Сорокину, цивилизациями являются "большие культурные системы, которые функционируют как реальные единства. Эти системы не идентичны нациям и государствам, они пересекают границы социальных систем..." [Сорокин 1992: 191]. Ученый полагал, что цивилизации подвержены естественным кризисам, которые обусловлены процессом *перехода от одних культурных ценностей к другим*, что сопровождается *неизбежной фазой* усиления насилия в отношении функциональности и жизненности цивилизации. Кризис влечет или ее гибель, или возрождение, катарсис на основе нового типа культурной системы.

Одну из важнейших причин современного ему цивилизационного кризиса (середина XX в.) П.А. Сорокин видел в *трагическом дуализме добра и насилия* чувственной культуры: "Мы восхваляем любовь и культивируем ненависть... Мы верим в сотрудничество и солидарность, но преумножаем конкуренцию, соперничество, антагонизм и конфликты... И так продолжается бесконечно" [Сорокин 2009: 271]. Он полагал, что кризис завершится сменой мировой роли западной цивилизации и переходом стран и народов к *многополярному миру.* Пожалуй, впервые в научной мысли социолог указал на то, что непосредственный движитель цивилизационных изменений может находиться не только во внешнем насилии, но и во *внутренних*

факторах функционирования системы: "Любая социокультурная система, – отмечает он, – пока она существует и функционирует, беспрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы" [Сорокин 2000: 741].

Идеи П. Сорокина о многофакторной причинности ныне оказываются весьма востребованы. В.С. Степин отмечает, что наряду с лапласовской и вероятностной причинностью важной становится целевая причинность, носящая сложный внешне-внутренний характер [Степин 2008: 21]. Полагаем, с этих методологических позиций следует интерпретировать природу современного сложного межцивилизационного взаимодействия вообще и проявлений как тенденций усиления насилия, так и зарождения партнерства между мировыми и локальными цивилизациями. Общий тренд современных международных отношений состоит в стремлении западной цивилизации любой ценой сохранить свое прежнее доминирование на фоне возрастающей роли прежде локально значимых цивилизаций – китайской, индийской, иранской, арабской, а также возрождения русской цивилизации. В большей или меньшей степени они готовы к партнерству для противостояния западному диктату. Если ранее взаимодействие цивилизаций носило весьма опосредованный характер, то ныне под влиянием глобализации начался процесс непосредственного столкновения цивилизаций, который сказывается на их структурно-функциональных качествах. Как отмечают российские исследователи, "любая цивилизация не только сама является системой, но и представляет собой элемент другой системы – всего множества планетарных цивилизаций. При разрушении ее связей с другими элементами этого множества (с другими цивилизациями) возможность ее деградации (потери стабильности и способности к развитию) резко увеличивается" [Глобальный кризис... 2009: 43]. Данный процесс протекает весьма болезненно, ибо ведет и к новым формам сотрудничества, и к искусственно создаваемым насильственным разрывам с прежними цивилизационными укорененностями. В частности, предпринимаются попытки западных политических элит отторгнуть страны от одних цивилизаций, присоединив их к другим (Украина, Венесуэла), что, естественно, поднимает градус нелегитимного насилия на международном уровне. А ряд восточноевропейских государственных акторов, по существу, сознательно идет на утрату национальной идентичности и суверенитета, соглашаясь на зависимость от политики Запада. Особо отметим то, что русофобская политика лидеров западной цивилизации направлена не только против России, но и на подрыв функционирования незападных цивилизаций вообще.

Проявились и глубинные факторы дисфункциональности западной цивилизационной системы: возникло насилие в виде зла "нового расизма" или "культурного расизма", "возврата антисемитизма", а также "глобального терроризма" [Wieviorka 2017: 207, 211, 217]. Во многом эти формы насилия, имеющие сложную внешне-внутреннюю причинность, провоцируются исторической памятью народов о прежней колониальной политике, ее диктате по отношению к "низшим", неевропейским цивилизациям.

Новые сложные проявления партнерства и насилия можно наблюдать между государствами и негосударственными акторами. Сегодня *переоткрывается значимость факторов* взаимодействия между государствами, среди которых *создание мостов*. По М. Хайдеггеру, мост – сооружение, образующее соседство, собирающее землю и людей [Heidegger 1993]. Оптимизм вызывает процесс возведения

межгосударственных мостов, включая формирование единого политического и экономического пространства. Так образовался Европейский союз как "сообщество, объединенное судьбой" – впервые сформировалось общеевропейское политическое пространство. В результате Европа, как пишет Э. Гидденс, ощущает единство, "предначертанное судьбой". Вместе с тем *локально-национальные интересы* государств обретают все бо́льшую значимость по сравнению с интересами интеграционного объединения. Социолог отмечает, что Европа стала неоднородной, фактически в ней функционируют ЕС 1, ЕС 2, ЕС 3 [Giddens 2014: 8, 32], что порождает новые противоречия и формы насилия, такие как торговые войны, нелегитимные санкции или угрозы их применения даже в отношении союзников (давление США на Евросоюз, особенно ФРГ). Пути исправления положения дел и усиления государств ЕС стали видеться рядом западных элит в деструктивном противоборстве с русской идентичностью: "Украина – не Россия", "Украина против России", "Украина вместо России" – один из элементов новой политики насилия и фактор раскручивания спирали усложнения насилия.

В ряде случаев сложные проявления насилия между государствами ведут к образованию на месте бывших государств "негосударственных образований" современного типа, в которых насилие вообще не регулируется какими-либо нормами, что ведет к "массовому производству беженцев" [Bauman 2009: 33]. Как отмечает У. Бек, возникли "организованные формы *приватизированного насилия*, замещающего государственное насилие, бросающего вызов, подрывающего и вытесняющего государственную монополию на насилие" [Beck 2010: 147]. В этом же контексте социолог ведет речь о становлении *войн "гибридного неправового легитимного типа"* со специфичным сложным насилием: "Сегодня война стала без границ, во-первых, из-за демонополизации и приватизации организованного насилия (террористами и военными диктаторами) и, во-вторых, из-за глобальности опасностей и особой чувствительности к проблемам прав человека, что побуждает государства сотрудничать в предотвращении или прекращении нарушений прав человека". При этом возникает "постнациональная политика военного гуманизма", направленная против "транснационального глобального терроризма" и на защиту прав человека: безусловное признание прав человека "легитимизирует вторжение одних государств в другие... Макс Вебер ограничивал легитимность политического действия строго домашней сферой. Режимы прав человека разрушают границу между интернациональным и внутренним... Что еще хуже, страны, подвергшиеся таким интервенциям, политически деморализуются". Примерами подобного рода войн являются войны в Афганистане и Ираке [Beck 2007: 123, 135-140]. На наш взгляд, затормозить, если не остановить раскручивание спирали усложнения насилия, могут "мосты, соединяющие расколы в системах знания" [Кравченко 2015]. Только общекультурное, междисциплинарное знание может повлиять на мышление политиков, направив его на совершенствование существующего и выработку принципиального нового международного правового механизма, на урегулирование ныне возникших центробежных тенденций между государствами и внутри союзов.

Перманентно усложняется *насилие в социальных сетях*, что обусловлено быстрыми изменениями в характере самих сетей. Р. Эмерсон был первым, кто исследовал "властно-зависимые отношения" применительно к *реальным,* относительно простым социальным сетям. Власть рассматривается им как

совокупный ресурс (средства производства, статусные позиции, возможности альтернативных действий и т.д.) и, соответственно, как атрибутивный компонент социальных отношений зависимости, побуждающих людей образовывать более или менее устойчивые связи, что, однако, приводит к возникновению неравенств, конфликтов и насилий. По его мнению, характер этих связей определяется властью актора *А* над актором *Б;* чем более *Б* зависит от *А* в плане получения тех или иных вознаграждений, тем бо́льшая вероятность, что *А* использует свой ресурс насилия над *Б*. При этом ресурсная неопределенность и нестабильность ведут к процессам перманентной балансировки власти [Emerson 1964]. Как видно, по своей природе насилие в социальной сети отличается от насилия, характерного для "классической" власти, предполагающей, как считал М. Вебер, навязывание воли посредством права, авторитета или традиций, или, как полагал К. Маркс – осуществление господства за счет владения собственностью на средства производства.

Сравнительно недавно возникли виртуальные сети – в них насилие стало еще на порядок сложнее. Его производством ныне занимаются владельцы *"средств определения" смыслового контента*. Как заявляет У. Бек, то, что отношения производства в капиталистическом обществе представляли для К. Маркса, то *отношения определения смыслов* представляют сегодня: "'Отношения определения' основываются на контроле над 'средствами определения', над научными и легальными правилами. Здесь, аналогично, существуют 'собственники средств определения' – конкретно, ученые и эксперты – и граждане, 'лишенные средств определения', которые имеют зависимый статус 'простых людей' и которые подвержены власти определения и выбора экспертов, решающих от имени всех" [Beck 2010: 33]. В результате утверждается принципиально новая власть – *семиократия,* функционирующая на основе символического насилия, производимого "играми" со смыслами в виртуальных сетях. Эта власть осуществляет "мягкое" жесткое насилие над сознанием людей, что может привести к зомбированию их сознания кодами сигнификаций и к "бегству от свободы" [Фромм 1990] в силу утраты ими самостоятельности в мышлении.

К сложным видам насилия следует отнести *эмерджентные проявления, исходящие от социо-техно-природной реальности*. У них также сложная внешне-внутренняя, многофакторная причинность: она, с одной стороны, – результат побочных эффектов "побед" человека над природой, а с другой, – сами сложные системы по-своему уязвимы, что проявляется в виде тех или иных дисфункциональностей, технологических сбоев, так называемых *новых катастрофах*. Здесь имеет место *отложенное во времени и пространстве насилие*, обусловленное неопределенностью катастрофы – она может случиться или не произойти вовсе. Многие "новые катастрофы" имеют форму "текучести" с явными или побочными последствиями от деятельности людей, приведшей к "экзистенциальной небезопасности", к тому, что ныне "человеческая неопределенность и уязвимость являются основаниями всей политической власти" [Bauman 2011: 52, 62]. Наиболее рельефно "новые катастрофы" проявляются в перманентном увеличении "мертвой" почвы и "мертвой" воды, турбулентности климата. Ч. Перроу видит проявление "новых катастроф" во всевозможных *"нормальных авариях"*, которые в отличие от прежних бедствий вызваны не "человеческой ошибкой", а самой функциональностью сложной

социо-техно-природной реальности [Perrow 2011: XXII]. В повседневной жизни "новые катастрофы" имеют место в производстве генно-модифицированных продуктов, симулякров "здоровой" еды, исходящих от современной биополитики, ориентированной на формальный рационализм и исключительно меркантильную прибыль. Это сказывается на характере питания людей, их физическом и ментальном здоровье, что, по существу, формирует новые формы насилия над их сознанием. Однако политические элиты не столько заботятся о поисках путей эффективного лечения причин этого насилия, сколько скрывают информацию о них или прибегают к меркантильным методам противодействия (увеличение урожайности сельскохозяйственных культур за счет минеральных удобрений, в перспективе подрывающих естественную функциональность почвы и воды; строительство сложных гидросооружений, сулящих быструю прибыль, без должного учета экологических и социокультурных последствий).

Необходимо начать разработку *гуманистической политики,* направленной на преодоление насилия, исходящего как от корыстного использования власти политическими элитами, так и от побочных эффектов формально-прагматической деятельности человека. В этом направлении ведут исследования российские социологи, ратующие за акцентирование значимости проблематики здоровой жизни и гуманизма. Так, Ж.Т. Тощенко, раскрывая современные проявления нелегитимного насилия, предложил концепцию фантомов, под которыми имеются в виду явления и процессы, олицетворяющие собой специфические, экстравагантные формы общественного сознания и активности. Их носители обладают непомерной жаждой власти, неограниченным желанием богатств, болезненным стремлением к славе, что вносит деструктивность на всех уровнях социальной организации [Тощенко 2015: 54-55]. Им была выдвинута концепция "общества травмы": в мышлении политиков и представителей социально-гуманитарных наук доминируют формально-прагматические представления, уходящие корнями в эпоху Просвещения о том, что характер общественного благополучия определяется уровнем материально-технической базы общества, количеством потребляемых благ. В противоположность этому подходу социолог предлагает переориентировать мышление на "оценку социально-экономического положения людей, выявление наиболее значимых характеристик жизнедеятельности различных социальных групп" [Тощенко 2018: 7].

О.Н. Яницкий предложил концепцию мышления в терминах инвайронментализма [Yanitsky 2010]. Ряд западных ученых также работает в этом направлении. Сложность современного насилия, по мнению канадского социолога У.Х. Вандербурга, прежде всего обусловлена побочными эффектами прагматических тенденций в развитии монодисциплинарного научного знания и технологий, лишенных культурного стержня, что привело к "нашей войне с самими собой" [Vanderburg 2011]. Преодоление насилий этой парадоксальной войны им видится в переходе к возрождению в науках и технологиях собственно "человеческого духа": сегодня требуется междисциплинарное знание, преподавание естественных наук в органической связке с социогуманитарными дисциплинами во имя онтологической безопасности людей, чтобы прекратить "столкновения между 'миром' машин, с одной стороны, и человеческой жизнью, обществом и биосферой, с другой" [Vanderburg 2016: 5]. Его соотечественник В. Моско считает, что переход от постиндустриального и постинтернетного общества к обществу цифровому сопровождается новыми

проявлениями насилия практически над *всеми* коммуникациями людей. Так, "'умные' телевизоры записывают разговоры хозяев, даже если они выключены, и посылают информацию в аналитические центры", чипы в телефонах, смартфонах, банковских картах передают информацию о пользователях без их уведомления. В результате возникла "цифровая версия всевидящего паноптикума... повсюду измеряются и отслеживаются почти все аспекты физического и ментального функционирования человека" [Mosco 2017: 20, 104].

Прагматически и меркантильно ориентированные науки и технологии, характерные для становящегося цифрового общества, радикально изменяют реалии власти и насилия, лишая их собственно культурного содержания, размывая смысл легитимности и нелегитимности. Идет становление принципиально новой власти, базирующейся на *цифровом насилии* над человеком и обществом. Ситуация усугубляется тем, что отсутствуют международные соглашения, регулирующие применение цифровых технологий в международных отношениях, предотвращающие кибератаки в отношении государственных и негосударственных акторов.

Как представляется, точка невозврата в раскрутке спирали усложнения насилия не пройдена, но мир близко подошел к ней. Еще сохраняется возможность "соскока" с нее и перехода к новым трендам развития, предполагающим интегральные культурно-гуманистические и политико-правовые меры контроля насилия, нацеленные на его сведение в границы легитимности. Выскажем три соображения, опирающихся на достижения современного гуманистически ориентированного знания.

Первое. Необходимо учесть созданную Э.А. Тирикьяном теорию взаимодействия цивилизаций с учетом контекста становящейся сложной социо-техно-природной реальности. По его мнению, возникли уязвимости межцивилизационного взаимодействия, обусловленные, с одной стороны, новыми неравенствами между Севером и Югом, а с другой – проблемами отношений цивилизаций с технической и природной средами. Соответственно, будущее той или иной цивилизации зависит не только от результатов противоборства друг с другом, но и от формирования адекватных отношений с новейшими технологиями и природой. В результате этого цивилизационного соперничества, считает социолог, возможны три сценария будущего: 1) под влиянием глобализации увеличивается взаимозависимость в современном мире, что может привести к образованию *единой цивилизации*, ценностное содержание которой будет более или менее отвечать вызовам собственно современного общества; 2) образование ряда цивилизаций, выходящих за пределы границ своей исторической среды, которые будут основаны на новых ценностях, ныне формирующихся под влиянием *мировых потоков* людей, капиталов, технологий; 3) глобальная катастрофа, частично природная, частично рукотворная, которая может свести глобальную эру к "маломасштабным обществам", утрачивающим цивилизационные качества [Tiryakian 2014]. Возможен и иной сценарий – партнерство цивилизаций, предполагающее их нацеленность на преодоление нелегитимного насилия, конкретные усилия по выходу из спирали усложнения насилия. Условием этого тренда является сохранение в обозримом будущем основополагающих цивилизационных идентичностей, отказ от попыток искусственно-насильственного расширения границ одних цивилизаций за счет других цивилизационных образований.

Второе. Сегодня мы сталкиваемся с *временным дисхронозом*: в мировом сообществе люди фактически живут в разных *темпомирах*. По Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмову, темпомир – мир, определяющей характеристикой которого является единый темп (общая скорость) развития всех входящих в него сложных структур. Ныне имеет место плюрализация темпомиров, хотя возможна "частичная обратимость процессов эволюции в сложных системах", однако в принципе "убежать" от возникших скоростных и усложняющихся трендов просто невозможно [Князева, Курдюмов 2007: 31]. Как бы тем или иным политическим элитам того ни хотелось, но приобщение с помощью насилия народов из других цивилизаций и культур к своему "правильному" темпомиру может закончиться катастрофой. Кроме того, социум, технологии и природа развиваются не по единым законам и, конечно, не с одинаковой скоростью. П. Сорокин указывал на отсутствие синхронности в производстве Истины, Красоты и Добра. Сегодня политикам необходимо проводить модернизации и другие преобразования с учетом готовности не только материально-технических условий, но и гуманистического фактора, предполагающего учет и возможностей природы, и особенно желания самих людей осуществлять те или иные преобразования.

Третье. Со своей стороны, мы высказались за необходимость движения к *гуманистическому повороту* [Гуманистический поворот... 2018], позволяющему преодолеть явные и латентные формы насилия как со стороны до сих пор сохраняющихся формально рациональных принципов гуманизма эпохи Просвещения (типа "человек – мера всех вещей"), так и современного "постгуманизма", ратующего за утверждение "постчеловека" [Braidotti 2013]. Для противостояния исторически ограниченному гуманизму, а также "постчеловеческим" вызовам, необходим новый синтез естественно-гуманитарного научного знания, становления междисциплинарности, базирующейся на гуманистическом повороте *всех* наук. Особенно важен гуманистический поворот для выработки стратегий в отношении возникающих новых сложных метаморфоз [Кравченко 2017], включая *метаморфозы насилия*. Среди подобного рода метаморфоз: *"эффект бабочки"* – сравнительно небольшое насилие (навязывание жителям конкретного района строительства торгово-развлекательно комплекса или храма вместо запланированного детского сада; принуждение к монетизированной "мусорной реформе"), информация о чем с добавленным особым "ценностным" смыслом, будучи направлена в виртуальные социальные сети, может перерасти в конфликт национального масштаба; провокация с инсценированной сакральной жертвой подчас вообще дает импульс развитию "цветной революции" с многотысячными жертвами и геополитическими последствиями.

Другая метаморфоза: *инверсия Добра в Зло и наоборот*: когда фейковые новости, постправда становятся "нормой", то в угоду интересам влиятельных политических акторов можно сравнительно легко изменять смыслы практически *всех* реальностей. На этом эффекте ранжируются цивилизации на "высшие" и "низшие", строятся фальсификации истории, наносятся культурные травмы государственным и национальным акторам, деформируются этнические идентификации, совершаются политические убийства: авторитетные руководители, заслуженные военачальники превращаются в антигероев, а антигерои – в символы "борцов за свободу". Аналогичное может происходить даже со смыслами самого насилия: формируются идеологически и политически заданные "нормальные" представления о "справедливом" или несправедли-

вом насилии, легитимное насилие преобразуется в нелегитимное и наоборот, зарождаются разного рода гибридные типы насилия.

Еще одна метаморфоза – *превращение человека в "постчеловека"* – добровольное чипирование, осуществленное, однако, благодаря засилью определенных кодов сигнификации в социальных сетях, наделяет человека немыслимой ранее силой, разнообразными функциями супермена, но лишает его собственно человеческой природы, сохраняя при этом физический облик. В итоге развитие спирали усложнения насилия подходит к своему апогею – отрицанию сакрального и собственно человеческого. Вместе с тем метаморфозы могут дать импульс *позитивным трендам развития*, как считает У. Бек, отмечая, что теория метаморфозы "не о негативных побочных эффектах хорошего, а о позитивных побочных эффектах плохого" [Beck 2016: 4]. Вполне возможна *двойная метаморфоза*: например, оазис, на котором ранее произрастал лес, под влиянием человеческого насилия трансформируется в пустыню; однако фактор сложной внешневнутренней причинности (рекультивация пустыни, саморазвитие данной территории, в частности, под влиянием климатической турбулентности) может привести к воссозданию оазиса, хотя и с новым ландшафтом, что в принципе открывает окно оптимистических возможностей для будущего.

На наш взгляд, "позитивные побочные эффекты плохого" вряд ли возможны сами по себе – необходим соответствующий человеческий фактор, предполагающий гуманизацию *всего* современного знания (как научного, так и повседневного), что могло бы стать основой для выработки адекватных ответов на вызовы спирали усложнения насилия. При этом особенно важно выйти из исторически исчерпавшей себя формально-прагматической колеи развития. Это позволит поставить во главу жизнедеятельности человека *практическую гуманизацию* себя, своей социальной, технической и природной среды, создаст условия для материализации надежды на собственно человеческое, вполне земное счастье.

DOI: 10.17976/jpps/2019.05.04

SPIRAL OF THE COMPLICATION OF VIOLENCE: A DEMAND FOR A HUMANISTIC POLICY

S.A. Kravchenko[1, 2]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

[2]*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

KRAVCHENKO, Sergei Alexandrovich, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of Sociology Department, MGIMO University; Principal Researcher; Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, email: sociol7@yndex.ru

Kravchenko S.A. Spiral of the Complication of Violence: a Demand for a Humanistic Policy. – Polis. Political Studies. 2019. No. 5. P. 43-55. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.04

Received: 19.02.2019. Accepted: 24.06.2019

Abstract. The effect of complicating the nature of violence – the transition from its traditional, relatively "simple" forms to increasingly complex ones – is considered in this article. The author shows the failure of the two dominant approaches "overcoming" this, as have been historically prevailing, with the help of the following: 1) retaliatory violence against primary violence and 2) the "treatment" of violence through a formal rationalization of people's vital activity; this actually leads not to its denial, but to the imposition of some forms of violence over others and to changes of rigid punishments with "softer" ones. As a result,

more complex manifestations of violence are formed – the author defines this effect as the spiral of the complication of violence. The factors that determine its dynamics are shown, which include: the accelerating change in people's material, economic and social conditions as life changes under the influence of industrial revolutions; the emergence of globo-local-enclave interdependencies, accompanied by the growth of complex violence between civilizations, states and non-state entities; anthropogenic violence on the planet. The complicated manifestations of violence have ambivalent consequences on the nature of interaction of social actors: on the one hand, there have been unprecedented challenges in the form of privatized violence, "hybrid illegal-legitimate" wars, illegitimate sanctions, and "liquid evil"; but on the other hand, bridges are created that contribute to the integration of people and cultures. According to the author, the consequences of the spiral of the complication of violence dictate the need to move to new trends in the development of human relations, to search for answers to the emerging challenges in the context of humanistic policies. Of particular importance is the acceptance of the humanistic turn in modern knowledge. In practical terms, this is needed for working out adequate strategies to deal with metamorphoses of violence.

Keywords: violence, arrow of time, multifactorial causation, complex socium, the spiral of complication of violence, socio-techno-natural reality, metamorphoses of violence, humanistic turn.

References

Bauman Z. 2009. *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press.

Bauman Z. 2011. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge: Polity Press.

Beck U. 2007. *Cosmopolitan Version*. Cambridge: Polity Press.

Beck U. 2010. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press.

Beck U. 2016. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.

Braidotti R. 2013. *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press.

Emerson R.M. 1964. Power-Dependence Relations: Two Experiments. – *Sociometry*. Vol. 27. No. 3. P. 282-298. https://doi.org/10.2307/2785619

Giddens A. 2014. *Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe?* Cambridge: Polity Press.

Heidegger M. 1993. *Basic Writings*. London: Routledge.

Mosco V. 2017. *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley: Emerald Publishing Limited.

Perrow Ch. 2011. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400838516

Tiryakian E. 2014. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? – *Social and Regional Studies in the Global Age*. Ed. by S. Arjomand. New York: SUNY Press. P. 91-112.

Vanderburg W.H. 2011. *Our War on Ourselves*. Toronto: University of Toronto Press.

Vanderburg W.H. 2016. *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto: University of Toronto Press.

Wieviorka M. 2017. Europe Facing Evil: Xenophobia, Racism, Anti-Semitism and Terrorism. – *Europe's Crises*. Ed. by M. Castells. Cambridge: Polity Press. P. 205-223.

Yanitsky O. 2010. *Russian Environmentalism*. The Yanitsky Reader. Moscow: Taus.

Baudrillard J. 2003. Pour une critique di l'économie politique du signe (Russ. ed.: Baudrillard J. *K kritike politicheskoi ekonomii znaka*. Moscow: Biblion-Russkaya kniga).

Durkheim E. 1996. De la division du travail social (Russ. ed.: Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda*. Moscow: Kanon).

Foucault M. 2007. Le pouvoir psychiatrique. Cours au Collège de France (1973-1974) (Russ. ed.: Foucault M. *Psikhiatricheskaya vlast'. Kurs lektsii, prochitannykh v Kolledzh de Frans v 1973-1974 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka).

Foucault M. 2010. Naissance de la biopolitique: Cours au College de France (1979-1979) (Russ. ed.: Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsii, prochitannykh v Kolledzh de Frans v 1978-1979 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka).

Fromm E. 2006. Escape from Freedom (Russ. ed.: Fromm E. *Begstvo ot svobody*. Moscow: AST).

Global'nyi krizis zapadnoi tsivilizatsii i Rossiya [Global Crisis of Western Civilization and Russia]. 2009. Moscow: LIBROKOM.

Gumanisticheskii povorot: imperativ chelovecheskoi tsivilizatsii. 2018. Pod obshch. red. S.A. Kravchenko [The Humanist Turn: The Imperative of Human Civilization. Ed. by S.A. Kravchenko]. Moscow: MGIMO University. (In Russ.)

Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. 2007. *Sinergetika: Nelineinost' vremeni i landshafty koevolyutsii* [Synergetics: Nonlinearity of Time and Landscapes of Co-Evolution]. Moscow: KomKniga. (In Russ.)

Kravchenko S.A. 2015. Bridges Connecting All Possible Cleavages in Sociology for a More Equal World. – *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 2. P. 29-38. (In Russ.)

Kravchenko S.A. 2017. Metamorphoses: Essence, Increasingly Complex Types, Place in Sociology of Knowledge. – *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 10. P. 3-14. (In Russ.) https://doi.org/10.7868/s0132162517100014

Marx K. 2000. Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844 (Russ. ed.: Marx K. Ekonomiko-filosofskie rukopisi 1944 goda. – Marx K. *Sotsiologiya. Sbornik*. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole. P. 177-323).

Prigogine I., Stengers I. 2000. Order out of Chaos (Russ. ed.: Prigogine I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoi.* Moscow: Progress).

Sorokin P.A. 1992. *Sotsiologicheskie teorii sovremennosti* [Sociological Theories of Our Time]. Moscow: Akademiya nauk SSSR. (In Russ.)

Sorokin P.A. 2000. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenii v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnoshenii* [Social and Cultural Dynamics: A Study of Changes in Large Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Public Relations]. Saint Petersburg: ZHGI. (In Russ.)

Sorokin P.A. 2009. *Krizis nashego vremeni* [The Crisis of Our Time]. Moscow: ISPR RAS. (In Russ.)

Stepin V.S. 2008. O filosofskikh osnovaniyakh sinergetiki [On the Philosophical Foundations of Synergetics]. – *Sinergetika: Budushchee mira i Rossii*. Pod red. G.G. Malinetskogo [Synergetics: The Future of the World and Russia. Ed. by G.G. Malinetsky]. Moscow: LKI. P. 20-21. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. 2015. *Fantomy rossiiskogo obshchestva* [Phantoms of Russian Society]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. 2018. *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariate: From Protoclass to New Class]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Yadov V.A. 2002. Nekotorye sotsiologicheskie osnovaniya dlya predvideniya budushchego rossiiskogo obshchestva [Some Sociological Reasons for Predicting the Future of Russian Society]. – *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia Reforming]. Moscow: Academia. P. 349-363. (In Russ.)

Литература на русском языке

Бодрийяр Ж. 2003. *К критике политической экономии знака*. М.: Библион-Русская книга.

Глобальный кризис западной цивилизации и Россия. 2009. М.: ЛИБРОКОМ.

Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации. 2018. Под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет.

Дюркгейм Э. 1996. *О разделении общественного труда*. М.: Канон.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. 2007. *Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции*. М.: КомКнига.

Кравченко С.А. 2015. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира. – *Социологические исследования*. № 2. С. 29-38.

Кравченко С.А. 2017. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании. – *Социологические исследования*. № 10. С. 3-14. https://doi.org/10.7868/s0132162517100014

Маркс К. 2000. Экономико-философские рукописи 1944 года. – К. Маркс. *Социология. Сборник*. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. С. 177-323.

Пригожин И., Стенгерс И. 2000. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой*. М.: Прогресс.

Сорокин П.А. 1992. *Социологические теории современности*. М.: Академия наук СССР.

Сорокин П.А. 2000. *Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений*. СПб.: ЗХГИ.

Сорокин П.А. 2009. *Кризис нашего времени*. М.: ИСПИ РАН.

Степин В.С. 2008. О философских основаниях синергетики. – *Синергетика: Будущее мира и России*. Под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: ЛКИ. С. 20-21.

Тощенко Ж.Т. 2015. *Фантомы российского общества*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Тощенко Ж.Т. 2018. *Прекариат: от протокласса к новому классу*. М.: Наука.

Фромм Э. 2006. *Бегство от свободы*. М.: АСТ.

Фуко М. 2007. *Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1973-1974 учебном году*. СПб.: Наука.

Фуко М. 2010. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1978-1979 учебном году.* СПб.: Наука.

Ядов В.А. 2002. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества. – *Россия реформирующаяся*. М.: Academia. С. 349-363.